

Служба в Санкт-Петербургской сухопутной таможне

Смирнов А. В.

Приехав из Таганрога в Москву, Александр Чехов воспрял духом. Он с радостью общается с родными: «С Антоном наболтался о научных предметах вволю, с Николаем о художестве, с Иваном поспорил! И на целые сутки почувствовал себя новым, хорошим, университетским человеком». Заметно улучшились натянутые взаимоотношения с отцом, «...фатер был весел и забыл свою вражду ко мне за незаконное сожителство».

Александрю кажется, что он нашел причину своих несчастий. Когда Анны Ивановны не было в доме «я был свободен!» - пишет он в своем дневнике. «Для человека, связанного вопросами: Куда идешь? Зачем идешь? Когда придешь? ...Не приходи пожалуйста, пьян и т.д. ...отсутствие жены хоть на два часа составляет целое благодеяние... Сознание, одно сознание возможности свободы сделало меня счастливым». Расторгнуть гражданский брак не составляло большого труда. Но Анна была вновь беременна. А бросить ее в таком положении он просто не мог. И Александр запил. Запил так, что Анне Ивановне пришлось обратиться за помощью к Антону Павловичу: «Посоветуйте, что делать. Саша допился до того, что ему везде кажутся мухи и чертики, и совершенно до беспамьятства бредит». Ни о каком переводе в Московскую таможню не могло быть и речи.

От пьяного кошмара спас брат Антон. Он постарался загрузить старшего брата творческой работой. Все лето 1884 года Александр помогает Антону с организацией выхода его первого сборника рассказов

"Сказки Мельпомены». Ездит в типографию, общается с редактором, развозит отпечатанные книги по магазинам.

В конце августа 1884 года Анна Ивановна родила сына. В ноябре его крестили. Крестными стали: квартирная хозяйка и брат Николай. Имя мальчику дали в его честь. Рождение ребенка не внесло ничего нового во взаимоотношения супругов. Анна Ивановна грудью ребенка не кормила. Нанятые няньки долго не задерживались. Одних выгоняли за мелкое воровство, другие сами уходили от безденежных хозяев. Одну из нянек прогнали, обнаружив, что она для успокоения опаивает младенца маковым отваром.

После того как у Антона Павловича, в декабре

1884 года, появились первые признаки серьезного заболевания, Александр Чехов взялся за ум. Всю зиму он хлопочет о восстановлении на таможенную службу. В Московскую таможню поступить не удалось, а вот в Санкт-Петербургской место для него нашлось.

В начале марта 1885 года Александра Чехова в звании губернского секретаря (все тот же 12-й разряд) берут на службу в Санкт-Петербургскую сухопутную таможню. Что это была за таможня и почему называлась сухопутной?

К 60-м годам XIX века была построена железная дорога между Варшавой («Царство Польское» входило в состав Российской Империи) и Санкт-Петербургом, что привело к резкому росту ввозимых и вывозимых товаров. В феврале 1863 года Департамент внешней торговли предложил управляющему Санкт-Петербургской таможни учредить таможенное отделение при железной дороге Санкт-Петербург - Варшава. После ряда организационных мероприятий с ноября 1865 года начало свою работу отделение Санкт-Петербургской таможни при Варшавской железной дороге. При этом денежная и товарная отчетность, а так же серьезные дела, при решении которых требовалось коллегиальное обсуждение, все это осталось в ведении Санкт-Петербургской портовой таможни. Все возрастающие объемы перевозок железнодорожным транспортом привели к увеличению работы самого отделения. Специализация столичной таможни на контроле морских перевозок ограничивала эффективное управление железнодорожным направлением. 20 мая 1869 года на основании утвержденного им-

ператором мнения Государственного совета отделение преобразовали в Санкт-Петербургскую сухопутную таможенную первого класса. Таким образом, с созданием Сухопутной таможни в Санкт-Петербурге стали действовать две самостоятельные таможни: Портовая с подчиненной ей Кронштадтской и Сухопутная.

Вначале Сухопутная таможня располагалась на железнодорожной станции, но удаленность таможни от мест проживания чиновников и досмотрщиков, теснота рабочих помещений, отсутствие достаточного места для складирования товаров, все это привело к переводу таможни на новое место. К тому времени как Александр Чехов поступил на службу в столичную Сухопутную таможенную, она уже давно располагалась в районе Нарвских ворот, по адресу: Петергофский проспект, 38/40. Нужно отметить, что все расходы по приобретению и дальнейшему содержанию зданий взяло на себя Главное Общество российских железных дорог. В качестве компенсации Общество получило право взимать в свою пользу складочный сбор, установленный за хранение товаров в таможенных пакгаузах.

Служба на новом месте потребовала от Александра знания делопроизводства. Человек творческий, не лишенный литературного таланта он в первом же письме брату Антону излагает события сухим казенным языком, высмеивая уставную форму служебного письма:

МИНИСТЕРСТВО ФИНАНСОВ
С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ СУХОПУТНАЯ
ТАМОЖНЯ

Марта 10 дня 1885 г.

№ 306425.

Содержание бумаги:

О предположениях возможности зачатия
и о прочем.

Его Высочородию

Господину Врачу Медицинских наук доктору Антону Павловичу Чехову, чина не имеющему и на Государственной Службе не состоящему.

Во исполнении обещания моего, время от времени, подавать Вам вести о себе, данного мною от 3-го марта, сего года словесно, и без номера, имею честь донести, Вашему Высочородию следующее:

1-е. Знаки препинания расставлены согласно распоряжения Д-та Там. Сборов (прим. Департамента таможенных сборов) от 12 Декабря 1847 г. за № 21782, по коему требуется ясность в отделении мыслей при изложении достаточным количеством запятых и прочих знаков, дабы читающий не был затруднен, но писанное излагал бы свободно и не запинаясь, даже при отменном почерке.

2) ...Моя Анна Ивановна, снова зачала и носит во чреве нового гражданина, (неправда)* (* написано рукою Анны Ивановны) коему надлежит в будущем пополнить ряды хитровцев, либо питаться акридами, но даже и без дикого меда, ибо аз, как тебе известно, кроме бифштекса из собственного филея потомству своему предложить ничего не могу. Будущее правда у меня очень блестящее: через 45 лет беспорочной службы я могу получить пенсию, но ее размеры таковы, что если на эти деньги начать питать гимназиста, то он на второй же месяц захудает и предпочтет на собственные гроши питаться колбасою. По расчету и по справкам, наведенным мною, оказывается, что я получу пенсию не ранее 75 лет от роду, когда начальство и годы превратят меня в песочницу для засыпки особенно важных бумаг. В виду этих надежд мне ребят плодить особенно лестно, как для себя, так и для государства, тем более, что моя половина скоро в силу упражнения и совершенствования станет награждать меня потомством пожалуй и по два раза в год.

В завершении письма с грустью сообщает Антону, что:

«...Сочиняю отношения и ответы «во исполнение предписания от такого-то числа за № таким-то». Убиваю в себе дух разума и мышления и стараюсь помаленьку превратиться в считающую и пишущую машину, живущую от 20-го до 20-го (прим. дата выплаты жалования чиновникам).

Жду тебя в гости: квартира есть и лишняя кровать имеется.

Адрес прост: Сухопутная таможня, тайному советнику (мое имя рек). Можно и без чина.

Письмо сие, конечно, покажи только достойным и спрячь в архив. Жму твою руку в тот момент, когда ты прощаешься с пациентами и чувствуешь на ладони легкое щекотание инородного тела бумажно-кредитной консистенции. А за сим - до свидания. Черкни словцо-два...».

Твой А. Чехов.

В следующих письмах Александр продолжает в шутливо-казенной манере излагать события своей службы. Вот как он объясняет причину любви к казенной бумаге: «...Прежде всего уведомляю тебя, что письма сии начертаны на казенной бумаге, которая поэтому не должна ни гореть, ни тонуть, в чем ты можешь убедиться, намочив бумагу и поднеся ее к свече: не горит. Пишу же я тебе на столь важном папирусе потому, что он во 1-х похищен из Таможни, а во 2-х потому, что кроме финансов нужны еще деньги, т.е. копейка в кармане. Выходит соединения приятного с полезным».

Один из псевдонимов, которыми подписывался Александр Чехов, - «Пан Халыевский». Довольно самокритично, но верно. «...Антоша. Стыдно сказать: наш экзекутор заболел и я не мог достать у него казенной бумаги. А на своей я давно отвык писать».

С таким же юмором рассказывает о своей работе: «Занят я теперь громадной, но увы, кажется Сизифовой работой, составлением каталога о товарах привозимых в таможню. Дело захватывает даже глубину 59-го года, а потому приходится рыться в архиве».

Не забывает упомянуть о начальстве: «При этом нужно прибавить, что мое непосредственное начальство до такой степени невежественно в «делах», что я едва ли заслужу одобрения за свой труд, тем более, что оно не благоволит ко мне, благодаря сплетне, что я будто бы назначен департаментом на его место. Интриги, брат Антоша! В Таганроге служить отечеству было покойнее, что наводит меня на мысль, что в Питере отечество совсем другое».

Из письма явствует, что службу несли до «6 часов вечера». В тексте есть интересное упоминание о помощи, которую оказывало таможенное Главное Общество российских железных дорог, выделяя определенное количество бесплатных билетов: «Сдержу ли я свое обещание, побывать у вас на праздниках не знаю. Это будет зависеть от наличности билета на проезд. Чиновников уезжает более, чем билетов в таможене и только одна счастливая звезда может помочь мне в этом деле».

Упоминает Александр о своих вечерних чтениях: «...За день так устаю, что рад почитать вечером и читаю много, хотя и без толку, держусь впрочем более философии. Библиотека министерства финансов довольно богата и стоит 50 к. в месяц».

Отвечая на просьбу девушки, служившей прислугой у Чеховых, подыскать жениха среди таможенников, Александр дает незавидную характеристику досмотрщика «...нашей Таможни при казенных дровах и квартире. Ему 32 года и старший оклад жалования, т.е. 15 р. 83 коп. в месяц. Нельзя сказать, что бы был красив из себя, но все таки на государственной службе и может получить медаль за спасение России от французов 12-го года».

А вот как Александр описывает обязательные визиты таможенного чиновника в «Самый первый день Св. Пасхи!» 24 марта 1885 года: «...вооружившись гражданской доблестью, смиренно, но крупно росписался в книге у начальства, свидетельствуя этим тот факт, что я сделал визит и не отлынивал от выражения почтения высшим; ...вручил надменным и величавым горничным пяти таможенных сановников свои самодельные и мылом для глянца натертые карточки; ...разослал с Каткою 22 карточки без мыла низшим сослуживцам; ...всучил последние лепты швейцарам и досмотрщикам».

Однообразная работа с документами, написанными бюрократическим языком, Александра сначала раздражает, а затем и вовсе вызывает отторжение. Литературный талант не хочет помещаться в прокрустово ложе делопроизводства. В письме к Антону он пишет, что «...В таможене я представляю из себя нуль, но такой, за который прячутся те единицы, которые дают десятки и сотни в счислении. Делопроизводитель и его помощник взвалили всю

работу на меня. Я делаю за всех и главным образом сочиняю бумаги, и они подписывают. А сочинить канцелярскую бумагу довольно трудно: требуется избегать смысла, знаков препинания и повторять буквально то, что значится в бумаге, на которую отвечаешь. Хорошим считается у нас тот, кто лижет ту часть начальнического тела, которая...».

Писатель Чехов борется с таможенником Чеховым: «Пишу я тебе эту билиберду и в то же время мне думается: Почему я, человек университетский и т.д... не свободен? Почему я должен зависеть от управляющего, Лейкина (прим. Редактор журнала «Осколки») и экзекутора?.. Положим это - социалистические идеи, но не трудись доносить на меня жандармерии. Я и сам донесу на себя в «Осколках», где я безжалостно (как ты вероятно заметил) хлещу таможеню».

И действительно, в этот период Александр Чехов пишет рассказы, главными действующими лицами которых являются чиновники таможи. Так, весной 1885 года в 18-ом номере журнала «Осколки» печатается его рассказ «Дело о битом стекле № 000 (Таможенные формальности)» за подписью - «Алоэ».

Окрыленный успехом, факту запрета цензурой одного из своих рассказов Александр даже рад. Не без гордости он пишет Антону: «Радуйся, Антошенька, и за нами Россия тосковать будет... И нас цензура зачеркивает!».

Но за младшим братом Александру не угнаться. Его рассказы печатаются от случая к случаю и не имеют того успеха как у Антона. Другое дело письма. В них Александр приводит уйму интересных подробностей, как из своей жизни, так и из жизни чиновников. Этот живой, красочный материал блестяще используется Антоном. Небольшая фраза из письма, написанного «таможенным братом» из Санкт-Петербурга через десять лет превращается в название рассказа.

В письме Александр благодарит брата за то, что тот выкупил заложенное ранее пальто: «...пришел из Таможни досмотрщик и принес повестку на посылку в 10 руб. Если захочешь наложить арест и запрещение на мое движимое имущество, то премного меня обяжешь: движимого у меня только орден Анны да два гвоздика, и те похищены из таможи». Откуда у Александра орден «св. Анны»?

Действительно таможенники того времени, как и другие гражданские служащие награждались орденами «св. Анны», «св. Владимира», «св. Станислава». Так, например орден «св. Анны», согласно Таможенному уставу 1857 года, давался в награду за служебные отличия таможенникам, состоявшим в должностях и чинах не ниже VIII-го класса, прослужившим в одной должности 12 лет. Александр прослужил в таможе в общей сложности полтора года и был чиновником XII-го класса.

«Орденом Анны» Александр в шутку называл свою жену - Анну Ивановну. Так и появилось название рассказа Антона Павловича Чехова - «Анна на шее». Интересно, что действие рассказа происходит в Санкт-Петербурге, а одно из действующих лиц - высокопоставленный чиновник.

Таможенное начальство, стремясь поскорее избавиться от «хлещущего таможеню» чиновника, предлагает ему хорошее повышение, но ...в другой таможе и подальше от столицы.

«Милый братец Антошенька!» - пишет Александр 28 июня 1885 года из Санкт-Петербурга. «Мудрое начальство, принимая во внимание мою усердную службу и литературные подвиги, назначает меня секретарем Новороссийской таможи на погибельном Капказе у хладных вод Черного моря. Приемля с благодарностью подобное назначение я собираю вкупе всех своих чад и домочадцев и на дня устремляюсь на юг».

Такому повышению по службе Александр рад и спешит выехать к новому месту службы: «...Во вторник решается окончательное мое дело и я в Питере засиживаться не стану...». При этом беспокоится - как бы начальство не передумало: «Назначение верно, но... легко может статься, что у кого-нибудь из алчущих найдется больший и сильнейший покровитель, чем у меня, и тогда мне придется уступить».

«Алчущих» не нашлось. И вскоре, новоиспеченный секретарь Новороссийской таможни вместе с семьей покидает столицу, отправляясь к берегам Черного моря.

ЦГТБ имени А. П. Чехова